

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Кузьмина Ю.А. — Игровые практики С. М. Соловьева как рефлексия младосимволистов над идеями В. С. Соловьева и позитивистским методом // Человек и культура. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.3.40867 EDN: RSQWGE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40867

Игровые практики С. М. Соловьева как рефлексия младосимволистов над идеями В. С. Соловьева и позитивистским методом

Кузьмина Юлия Алексеевна

магистр, кафедра культурологии, Российский государственный гуманитарный университет

109544, Россия, Московская область, г. Г. Москва, ул. Вековая, 21, строение 1, 3

✉ kuzminaulia983@gmail.com



[Статья из рубрики "Культура и культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.3.40867

EDN:

RSQWGE

Дата направления статьи в редакцию:

29-05-2023

Аннотация: Объектом исследования выступают воспоминания об игровых практиках С.М. Соловьева, запечатленные в мемуарах А. Белого и М. А. Бекетовой. Предметом становятся те ментальные представления младосимволистов о философских идеях В. С. Соловьева и позитивистском методе, которые послужили структурообразующим элементом подобных практик. В статье конструируется общая абстрактная модель буффонад С. Соловьева. Выявляется, что она содержит множество знаков, значения которых связаны с рефлексией младосимволистов над идеями В. С. Соловьева и позитивизма. При помощи структурно-семиотического метода раскрываются смысловые поля и взаимоотношения данных знаков внутри игровой структуры. Устанавливается, что семантическое содержание таких знаков в буффонадах С. Соловьева раскрывается как два различных типа гносеологии. Делается вывод о том, что в мировоззрении младосимволистов такие типы познания противопоставлены друг другу. Заключается, что их оппозиция является сюжетным стержнем данных игровых практик. Новизна исследования связана с тем, что попытка описания рефлексии младосимволистов над различными типами познания осуществляется не на материале художественных и

теоретических текстов С. Соловьева, А. Белого и А. Блока, а на материале их повседневности. Данная позиция позволяет не заикливаться лишь на тех пластах рефлексии, которые сами поэты осознавали и выражали вербально, но и привести в исследовательское поле их до конца не вербализованные представления. Результаты данного исследования в дальнейшем можно использовать для более полной реконструкции мировоззренческой парадигмы русского младосимволизма.

Ключевые слова:

символизм, игровые практики символистов, игры Соловьева, повседневность, мировоззренческая парадигма символизма, гносеология, идеи Соловьева, София, позитивизм, мемуары Белого

Влияние философских идей В. С. Соловьева на эстетические принципы и теоретическое наполнение русского младосимволизма хорошо известно и объемно изучено. Среди недавних исследований, очерчивающих его философские, мировоззренческие и художественные границы, можем выделить работы Е. С. Бужор [\[1\]](#), Н. Г. Юриной [\[2\]](#), А. Л. Рычкова [\[3\]](#), Д. Д. Романова [\[4\]](#) и М. А. Самариной [\[5\]](#). В большинстве таких исследований материалом для раскрытия данного феномена становятся лишь теоретические и художественные тексты младосимволистов. В рамках данной статьи будет совершена попытка описать, каким образом символисты осуществляли рефлексию над идеями философа не в интеллектуальном или литературном творчестве, а в своих повседневных практиках. В частности, речь пойдет о тех буффонадах, которые С. М. Соловьев разыгрывал перед А. Белым, А. Блоком и Л. Д. Менделеевой.

Структурно-семиотический метод рассматривает подражательные игровые практики как языковые структуры. Означающие в них производятся телами игроков путем миметического подражания элементам других вторичных моделирующих систем (*Прим: здесь и далее принципы структурно-семиотического анализа и терминология выводятся из теоретических работ Ю. М. Лотмана [\[6-8\]](#)*). Системами, из которых младосимволисты черпали означающие для своих игровых практик, часто становились 1) философия В. Соловьева и 2) позитивизм. Что касается означаемых, то их производство локально, то есть зависит от местоположения элемента и внутренних знаковых связей. Именно поэтому семантическое поле знаков «позитивизм» и «философия В. Соловьева», воспроизводимых в играх младосимволистов, не может быть приравнено к реальному теоретическому содержанию позитивизма и концепциям Соловьева. Смысловое содержание этих элементов связано с ментальными представлениями игроков о данном явлении, и его только предстоит выявить при помощи структурно-семиотического метода. Для достижения этой цели рассмотрим такие игровые практики подробнее.

После венчания А. Блока и Л. Д. Менделеевой летом 1903-го г. в гости к молодоженам в усадьбу Шахматова приезжают младосимволисты А. Белый, А. С. Петровский и С. М. Соловьев, племянник философа В. С. Соловьева. По вечерам друзья разыгрывают буффонады. В мемуаре «Начало века» А. Белый оставляет о них такое воспоминание: «[С. М. Соловьев] изображал академика, старца Лапана, в грядущем столетии, на основании данных решавшего трудный вопрос: была ль некогда секта, подобная, скажем, хлыстам, — “соловьевцев”? Лапан пришел к выводу: секты-де не было; предполагали ж — была (вроде бреда А. Шмидт); друг В. С. Соловьева, С. П. Хитрово, воплощала “Софью”-де; мудрый Лапан доказывал: “Хитрово” (С. П. Х.) — криптограмма:

София Премудрость Христова; “мадам” Хитрово, или Софья Петровна, жившая в Пустыньке, бывшем имении А. К. Толстого, где и написаны “Белые колокольчики”, — только легенда, составленная уже после кончины В. С. Соловьева. Пампан же, “лапановец”, — дальше шел: Блок — не женился; “Л. Д.” — криптограмма: “Любовь” с большой буквы, аллегоризация лирики Блока в попытке ее возродить культ Деметры; так: Дмитриевна есть “Де-ме-тро-вна”. Мы хохотали» (1990, с. 377).

Также у А. Белого, но уже в мемуаре «Воспоминания о Блоке», встречаем следующее замечание: «С. М. [С. М. Соловьев] начинал буффонаду: и мы появлялись в пародиях перед нами же “сектою блоковцев”; контуры секты выискивает трудолюбивый профессор культуры из XXII в.; С. М. ему имя измыслил: то был академик, философ Ларап, выдвигавший труднейший вопрос: существовала ли “секта”, подобная нашей, — на основании: стихотворений А. Н., произведений Владимира Соловьева и “Исповеди” А. Н. Шмидт. Ларап пришел к выводу: С. П. Х. [С. П. Хитрово], друг Владимира Соловьева, конечно же — не была никогда; С. П. Х. — символический знак, криптограмма, подобная первохристианской: С. П. Х. — есть София, Премудрость Христова. “София Петровна” — аллегорический знак: София, иль Третий Завет, возникающий на камне второго, — на камне “Петре”: вот что значило “Софья Петровна”, из биографии Соловьева: она есть легенда, составленная учениками философа. Мы — хохотали. Тогда, разошедшийся в шутках С. М., объявлял: ученик же Ларап’а очень-очень ученый Рампан, продолжая лапановский метод, пришел к заключению, что А. А. [А. Блок] никогда не женился: супруги по имени “Любовь Дмитриевна” не существовало; и это легенда “блокистов”: у Блока София Мудрость становится новой “Любовью”, которая из элевзинской мистерии в честь Деметры, “Дмитриевна” — Деметровна» (1995, с. 68).

Тетя А. Блока, М.А. Бекетова, также гостившая в Шахматово, приводит свои воспоминания о данных игровых практиках в мемуаре «Александр Блок. Биографический очерк»: «Очень забавны были шаржи Сергея Соловьёва: будущие споры филологов XXII в. смешили нас до изнеможения, были в высшей степени остроумны <...> Он рисовал всевозможные узоры комических пародий о будущих учёных XXII в., которые будут решать вопрос, существовала ли секта “блоковцев”, истолковывать имя супруги поэта Любви Дмитриевны при помощи терминов ранней мифологии и т. д.» (1930, с. 90).

Синтаксическое построение данных отрывков говорит о том, что подобные буффонады разыгрывались многократно. Соотнеся их, сконструируем ту единую абстрактную модель, к которой восходят актуализировавшиеся структуры игровых практик. Обозначим ее и выделим те значащие элементы (*Прим: отмечены курсивом*), которые необходимо декодировать. С. М. Соловьев в пародийной форме воспроизводит отношения между друзьями и Л. Д. Блок, доводя их до гротеска: «мы появлялись в пародиях перед нами же *сектою блоковцев*». После чего выдуманный *старец-академик/филолог/профессор культуры XXII в. трудолюбивый Ларап* начинает изучать произведения В. Соловьева, стихотворения и «Исповедь» А. Н. Шмидт, чтобы на основании данных ответить на вопрос: *существовала ли в действительности секта блоковцев/соловьевцев, подобная хлыстам*. Также на основании данных и особого лапановского метода анализа Ларап приходит к таким выводам: 1) *секты в реальности не было*, она существовала лишь в представлении бредовых текстов А. Н. Шмидт; 2) возлюбленной В. С. Соловьева, *Софьи Петровны Хитрово*, также не существовало в действительности. Для В. Соловьева она лишь мыслительный образ и философская концепция, ведь, во-первых, ее инициалы С. П. Х. представляют собой *криптограмму* (С. П. Х. — София Премудрость Христова), подобную тем, которые оставляли первые христиане, а во-вторых, отчество «Петровна» отсылает к апостолу Петру, являющемуся «камнем», на котором зиждется христианское

учение. Сочетание «София Петровна», таким образом, лишь *аллегорический знак*, возвещающий установление Третьего Завета на камне Второго. Фигурирующая же в исторической биографии В. Соловьева Софья Петровна — всего лишь *поздняя легенда*, составленная уже после кончины философа его читателями. Спустя время, ученик Ларан'а и *очень-очень ученый Ратран*, продолжая лапановский метод, пришел к новому заключению: *Л. Д. Менделеевой также не существовало*. Блоковская *Л. Д. — трансформация соловьевской С. П. Х.* и также *криптограмма*, в которой «Л» означает *мистическую Любовь с заглавной буквы*, а «Д» звучит на самом деле как «*Дементровна*», что говорит о связи Л. Д. с древнегреческим культом *Деметры и элевсинскими мистериями* — важной составляющей этого культа.

Данная модель представляет собой сложную двухчастную структуру: 1) изображение секты блоковцев и 2) изображение работы ученых, разбивающееся на а) исследование Ларан'а и б) исследование Ратран'а, которые по своему структурному устройству являются симметричными друг другу.

И А. Белый, и М. А. Бекетова отмечают, что буффонада вызывала хохот среди зрителей. По нашему мнению, такой юмористический эффект был отчасти построен на сложной оппозиции разных типов знаков внутри игровой структуры. На первом ее уровне (изображение секты блоковцев/соловьевцев) мы имеем дело с наличествующими знаками, ведь в диегетическом пространстве игры «секта блоковцев» существует: «мы появлялись в пародиях перед нами же сектою “блоковцев”». На втором же уровне (изображение работы ученых) превалируют отсутствующие знаки: «секты-де не было». Такую же механику мы отмечаем и в функционировании других знаков. Безусловно, у символистов не было сомнений в существовании ни С. П. Хитрово, ни Л. Д. Менделеевой. Однако заключения Ларан'а и Ратран'а отрицают реально существующих женщин и представляют их лишь философскими концепциями. Особый комизм ситуации состоял в том, что сама Любовь Дмитриевна непосредственно присутствовала при разыгрывании таких буффонад, являя собой наличествующий знак игровой структуры.

В приведенных выше отрывках не разъясняется ни каким именно образом изображалась «секта блоковцев/соловьевцев», ни содержание ее учения. Однако имплицитно подразумевающееся во время игровых практик воззрение «секты» возможно реконструировать, опираясь на принципы структурно-семиотического метода. Для этого необходимо обратиться к той общей структуре, куда данные отрывки были включены, — мемуарам А. Белого. Тогда мы сможем выдвинуть предположение о том, что основа учения игровой секты — своеобразное толкование соловьевской Софии, которое родилось благодаря тому, что А. Белый и С. М. Соловьев имели доступ к рукописям В. С. Соловьева. Рассматривая их, друзья заметили многочисленные заметки на полях. «В них [рукописях] рукою Владимира Соловьева (измененной) набросаны были письма за подписью “S” и “Sophie”». Также А. Белый отмечает, что «рукопись сопровождало медиумическое письмо с подписями “S” и “Sophie”, появляясь повсюду в черновиках творений Владимира Соловьева; оно имело вид переписки любовной <...> эта странная на полях переписка меж “S” и философом нас смущала, располагая к существенно *иным* толкованиям сравнительно с толкованиями почтенных профессоров философии» («Воспоминания о Блоке», 1995, с. 25). Принципиально «иным» на момент 1903-1905 гг. являлось то, что друзья мыслили Софию, выражаясь терминологией самого А. Белого, «конкретно», то есть верили в ее телесное воплощение. Кроме того, в том же мемуаре поэт отмечает, что именно такое видение и стало для него и С. М. Соловьева основой для дружбы и духовной близости с А. Блоком: «с удивлением сообщил мне С. М. [С. М. Соловьев], что А. А. [А. Блок], как и мы, совершенно конкретно относится к теме Софии

Премудрости; он проводит связь меж учением о Софии и откровением лика Ее: в лирике [*Прим: имеется в виду любовная лирика*] Соловьева» (1995, с. 30). Осмелимся предположить, что содержание учения игровой «секты блоковцев/соловьевцев» и являлось верой в возможность телесного воплощения Софии, ведь сама дружба младосимволистов развязалась именно на этой основе, а С. М. Соловьев пародийно разыгрывал «секту», гипертрофируя именно их межличностные отношения: «мы появлялись в пародиях перед нами же "сектою блоковцев"».

Отметим, что рассуждая о «конкретной» Софии, А. Белый отмечает маргинальность позиции символистов в этом вопросе по отношению к толкованиям «почтенных профессоров». В реальности, окружающей поэта, последние мыслили ее как только лишь философскую концепцию. Можно предположить, что буффонады С. М. Соловьева своим структурным устройством (оппозицией наличествующих знаков и отсутствующих) пародийно отражают именно этот реально существующий раскол толкований Софии, ведь для игровых «почтенных профессоров» Ларан'а и Рампан'а она также является лишь интеллектуальной идеей философа и не обладает плотью.

Возвращаясь к действительности, нельзя не отметить, что представители философского кружка «соловьевцы» вскоре начали трактовать Софию так же, как и младосимволисты. В этот кружок входила и создательница «Третьего Завета» А. Н. Шмидт. Как мы отмечали, в пространстве игры Ларан читает «Исповедь» и стихотворения Шмидт, а также тексты самого В. Соловьева, но в противовес мнению младосимволистов заключает, что секта блоковцев (т.е. людей, разделяющих идею материального воплощения Софии) существует только в «бредовых представлениях самой Шмидт», а не в реальности. Но раз в диетическом пространстве игры она существует, то в игровом нарративе Ларан совершает ошибку. Так как Рампан продолжает очевидно неверный лапановский метод, то подобную ошибку совершает и он: объявляет Л. Д. Менделееву лишь идеей и аллегорией. Установить семантическое содержание такого искаженного метода позволит обращение к контексту более общих структур — мемуарам А. Белого и исторического положения.

По использованию латиницы в написании имен и их фонетическому звучанию несложно заключить, что ученые — французы. Данное предположение сходится и с историческим контекстом. Согласно исследованию А. Эткинда, в результате совокупности самых разнообразных причин именно во Франции наблюдался многолетний повышенный интерес к экзотическим русским, а в особенности народническим сектам по типу хлыстов [9] (а ведь А. Белый именно с хлыстами и проводит структурную смежность игровых блоковцев). Потому сама ситуация, в которой французские ученые занимаются изучением русской секты выглядит вполне правдоподобно, хотя естественно, данная причина далеко не единственная.

Приведенные воспоминания расходятся в дисциплине, к которой должен принадлежать «старый» и «трудолюбивый академик Ларан». Он то «филолог», то «профессор культуры», строящий исследование «на основании данных». В одном лишь не может быть разночтений — темы мемуаров А. Белого не оставляют сомнений в том, что для молодых людей Ларан и Рампан являются символами ученых-позитивистов. Само понятие «позитивист» в круге младосимволистов представляло собой клеймо и выражало невозможность нахождения общего языка. Приведем в пример сцену из мемуара А. Белого «Начало века»: «Они — позитивисты, — нам Блок объясняет [*Прим: причину неудавшегося разговора с юристами*], — не мешают: являются... А про себя презируют» (1990, с. 371). Часто Белый и вовсе причисляет позитивистов к «врагам» символизма.

Более того, именно разочарование в позитивизме становится для поэта импульсом к развитию символистской гносеологии. В этом отношении интересным является его замечание из мемуара «На рубеже двух столетий»: «если бы был составлен каталожный список символистов (кто их отцы, из какой они среды и так далее), отметился бы весьма любопытный факт; отцы большинства символистов — образованные позитивисты; и символизм в таком случае являет собой интереснейшее явление в своем “декадентском” отрыве от отцов; он антитеза “позитивизма”» (1989, с. 203). Таким образом, сам символизм предстает как контркультура в отношении к вымирающей культуре доживающих свой век «отцов-позитивистов». Не может оставаться сомнений, что «старец» Ларан и его ученик Рампан — позитивисты еще и потому, что других старых академиков в мире младосимволистов не существовало: «мой отец, дед по возрасту, и дед Блока, Андрей Николаевич Бекетов, были учеными крупными» (1989, с. 121). В таком случае, выбор национальности ученых — дань родине позитивизма. Получается, что суть учения игровой секты, вера в возможность «конкретного» воплощения Софии, осталась непонятой Ларан'ом и Рампан'ом именно в силу порочности «лапановского» (позитивистского) метода.

Подходя к декодированию игрового знака «секта» в структуре буффонады, нельзя не обратиться к тексту Гюстава Лебона «Психология народов и масс», одному из первых крупных исследований по социальной психологии, затрагивающему феномен сект. Лебон относит секту к типу организованной и одухотворенной толпы, где совершенно разные индивиды приобретают нечто похожее «на коллективную душу, заставляющую их чувствовать и думать совершенно иначе, чем каждый из них думал бы в отдельности» [\[10, с. 62\]](#), при этом данная душа отличается повышенной восприимчивостью к образам, которые толпа трансформирует в мифы: «толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас и сделаться двигателями ее поступков» [\[10, с. 76\]](#). Убеждения же организованной толпы всегда принимают форму религиозного чувства, вне зависимости от позиционирования ее членов. Интересным предстает следующее замечание Лебона: «Если бы было возможно заставить толпу усвоить атеизм, то он выразился бы в такой же пылкой нетерпимости, как и всякое религиозное чувство, и в своих внешних формах скоро превратился бы в настоящий культ. Эволюция маленькой секты позитивистов любопытным образом подтверждает это положение» [\[10, с. 76\]](#).

Безусловно, родоначальник позитивизма Огюст Конт, действительно сформировал вокруг собственных философских идей религиозный культ (можем сослаться на статью А. И. Корсакова, исследующую ритуалы и организацию этого культа [\[11\]](#)). Однако концепция Г. Лебона представляется спорной. Для нас же важно не то, существует ли религиозный культ позитивизма в реальности, а то, что на данный счет считали сами младосимволисты, ведь именно их представление о позитивизме раскроет нам означаемое фигур Ларан'а и Рампан'а. В очередной раз обратимся к мемуарам А. Белого. Взрослые академики, заходившие в гости к отцу маленького Бори Бугаева, сделали все, чтобы «основы позитивизма» стали его первой мифологией («На рубеже двух столетий», 1989, с. 99). Он прямо называет позитивизм «религиозным устоем профессорского бытия» и пишет: «Лагранж, Абель, Дарвин! Слова эти воспринимались мною, как имена богов и героев нашего Олимпа, имеющего храмы (университеты), алтари (кафедры)» (с. 189). Также крайне интересным представляется его замечание о том, что к цепкохвостой обезьяне в детстве он испытывал настоящие религиозные чувства, ведь ее образ переживался им как образ Праматери Человечества. Связь позитивизма с религиозным чувством отмечает и А. Блок. Позитивизм в его

представлении сродни религиозному озарению делает мир понятным (понятновидение в противоположность тайновидению) («Записные книжки 1901–1920», с. 72–76).

Получается, что буффонады С. М. Соловьева содержат еще одну сложную оппозицию. Их единую абстрактную модель тогда можно представить следующим образом: сектанты-ученые изучают сектантов-блоковцев и отказывают последним в праве на существование. Такое взаимное «сектантство» является точкой пересечения двух игровых пространств, которая и задает напряжение игре, ведь она включает в себе одновременно и смежность (общую структуру организации сект), и оппозицию (невозможность понять друг друга).

Кроме блоковцев и позитивистов в приведенных отрывках присутствуют упоминания и других культов. «Секта блоковцев» сравнивается с «сектой хлыстов», а криптограмма «Л. Д.» соотносится с «элевсинскими мистериями» и «культом Деметры». Все эти элементы являются знаковыми для игрового пространства, поэтому рассмотрим соотношения между ними подробнее.

На основании исследования А. Эткинды можно заключить, что в реальной жизни младосимволисты проявляли большой интерес к народническим экстатическим сектам и, в частности, к хлыстам. Так, А. Блок не только общался с хлыстами, но и присутствовал на их «светских» собраниях [\[9\]](#). Сами же хлысты приглашали поэта стать их «вождем» [\[12, с. 480\]](#). Помимо кажущегося переживания хлыстами мистического опыта и экстаза, символистов могла заинтересовать ярко бросающаяся в глаза теоретическая схожесть в учении секты и их собственных эстетических идеях. Согласно наблюдению Гофмана, в центре эстетики символизма стоял вопрос гносеологии [\[13, с. 55\]](#). Процесс познания для младосимволистов раскрывался не как мыслительные операции отчужденного субъекта над объектом, а как непосредственное единение с Сущим. Достигается такое единение за счет потенциала символа к связи земного и трансцендентного. Поэтическое слово-символ же выступает той материальностью, в которой Сущее может воплощаться и подвергаться творческому преобразованию поэта-теурга. Именно поэту нельзя произвести слово-символ логически, его можно лишь, выражаясь словами А. Белого, «интуитивно познать», увидеть в Природе Горнего мира (См: «Символизм как миропонимание», 1994). Такой тип познания сформировался в результате идей В. С. Соловьева о «мистической интуиции», которая «позволяет познающему субъекту перейти границу, отделяющую его от предмета» [\[14\]](#). Оттого, когда предметом познания предстает Истина, единение с ней приводит к тому, что субъект преодолевает индивидуальное и становится «сверхличным "Я"» [См: 15–17]. Соотнесем кратко описанную гносеологическую концепцию младосимволизма с учением хлыстов.

А. Эткинд [\[12\]](#), Д. Н. Овсянко-Куликовский [\[18\]](#), Ф. И. Федоренко [\[19\]](#) и другие исследователи секты хлыстов отмечают ее центральную легенду, где «основатель хлыстовщины бросает все книги в воду», а людям же объявляет, «что ни новые, ни старые книги не ведут ко спасению, что для этого нужна <...> Книга голубиная, Сам сударь Дух святой» [\[19, с. 116\]](#), непосредственно Сущее, с которым человек должен вступить в контакт. Такой контакт раскрывается неожиданным образом. Исследователь народных российских сект Д. Н. Овсянко-Куликовский отмечает в отношении «хлыстовщины», что «зерно ее мистического учения заключалось и теперь еще заключается в том веровании, что божество может постоянно сходить на землю и воплощаться в своих избранников» [\[18, с. 112\]](#), после чего представители секты начинают поклоняться таким избранникам как богам. Целью знаменитых хлыстовских радений и

является попытка воплотить божественное в телесном за счет мистического схождения Духа. Более того, автор отмечает, что «известно громадное значение [воплотившихся] лжебогородиц в хлыстовщине» [\[18, с. 146\]](#), связывая это явление с атавизмами матриархата.

Таким образом, выражение, описывающее игровую секту блоковцев «секта, подобная, скажем, хлыстам», является маркировкой смежности знаковых взаимосвязей игровой структуры. Эта смежность строится на двух важнейших для мировоззрения младосимволистов характеристиках: 1) идее «конкретного» воплощения божественного в женщине и 2) типу гносеологии. По этим же характеристикам две секты противопоставлены третьей — позитивистам. Как отмечают источники, ученые-позитивисты: 1) отрицали «конкретное» воплощение и 2) строили исследование только «на основании данных», почерпнутых из книг («Исповеди» А. Н. Шмидт и текстов В. Соловьева), а не на непосредственном взаимодействии с Истиной.

Такой же тип смежности можно отметить и в еще одной маркированной точке игровой структуры — «культе Деметры» и «элевсинских мистериях». С одной стороны, о сопричастности блоковцев древнегреческому культу заявляет Рампан, а значит она может оказаться ложной, ведь другие его выводы не верны. С другой, — связь между культом Деметры и радениями хлыстов можно отследить, сопоставляя практики элевзинских мистерий, описанных Дж. Фрэзером в главе «Деметра и Персефона» [\[20, с. 15-19\]](#), с практиками хлыстовских радений, описанными и Овсянко-Куликовским, и Федоренко. Овсянко-Куликовский выделяет архаический слой радений, связанный с культом Матери-Земли, который отражен также и в культе Деметры [\[18, с. 146\]](#). Не случайно главные радения хлыстов выпадали на весну и были связаны с обрядом, где «девица выходила из подполья в цветном наряде и с решетом на голове» (как некогда Персефона из царства Аида), с плодами, иллюстрирующими благословение Матери-Земли, в руках (что отсылает к награде Деметры за возвращение дочери — раскрытия секрета ритуалов, необходимых для высокого плодородия) [\[18, с. 147\]](#). Существенно важным является то, что и в том, и в другом случае центральным становится мотив самостоятельного утверждения божеством мистериального обряда в материальности, при помощи которого и достигается непосредственное взаимодействие человека с ним. Таким образом, раз существует связь между хлыстами и культом Деметры, то по принципу структурной смежности устройства хлыстов и блоковцев, можно перенести эту связь и на последних.

Перед нами раскрывается сложная игровая структура: с одной стороны, Рампан точно и проникательно подметил связь элевсинских мистерий и представлений символистов о сущности Л. Д. Блок, а с другой, — сделал совершенно «неверные» выводы о ее природе. Таким образом, его фигура в игре маркирует тот тип познания, который приводит к *неполному* пониманию. Говоря о влиянии идей В. С. Соловьева на мировоззрение русских младосимволистов, стоит вслед за В. В. Балановским упомянуть, что философ вовсе не отрицал рациональность как таковую, а лишь ограничивал ее познавательный потенциал [\[21, с. 117-134\]](#). Логическое познание способно произвести лишь формальную организацию знания, но не может, в отличие от мистической интуиции, претендовать на целостное понимание Сущего. Именно по этой причине игровые Ларан и Рампан способны сформулировать важные философские представления о Софии и Вечной Женственности, но не способны познать их целостно и до конца.

Такое сложное построение игровой практики раскрывает рефлексию младосимволистов

над двумя типами гносеологии, в которых они видят и точки смежности, и напряжение оппозиции. Несложно заметить, что именно эта оппозиция и является структурообразующим стержнем игровой структуры, вокруг которой и разворачивается игровой нарратив.

Последующие уровни структурной оппозиции, которые мы отметим, производятся в буффонаде лишь в качестве вариативных по отношению к первичной. Среди них можно выделить, например, отношение к институту семьи. Так Овсяннико-Куликовский по этой характеристике делит секты на два лагеря: 1) мифологизирующих семью и 2) отрицающих ее. «Причем положительное и творческое направление по отношению к семье преобладает в сектах рационалистических, отрицательное же — в сектах мистических» [18, с. 139]. Игровая структура как раз иллюстрирует два таких противоположных типа. С одной стороны, позитивизм, который и в религиозном культе Конта [12], и в российской практике выражается в настоящем культе семейных отношений. Как уже отмечалось, младосимволисты вышли из семей, представляющих собой целые родословные кланы академиков-позитивистов. В мемуаре «На рубеже двух столетий» (1989, с. 121) А. Белого мы находим интересное замечание о наследственном характере русского позитивизма: «Позитивисты — говорили мы с Блоком в юности; и "тип" вставал, не столько "папаши", сколько Паши, Аркаши, Николаши, иль как его там [Прим: по контексту имеются в виду дети ученых-позитивистов]; еще с "папашами" я боролся; с Аркашами, с Николашами — никогда; их я слишком знал в их "статусе насценди", они шли в услужение в университет; и нанимались в педелей, охраняющих папашины достижения». Кроме того, само наследие Рампан'ом у Ларан'а лапановского метода также продолжает линию «освященного» отцовства. Этой наследственной линии противостоят хлысты, которые согласно исследованию Федоренко, наоборот, стремились к разрыву с семьей и «девственной чистоте» [19]. В этом смысле скопцы — радикальная ветвь культа хлыстов. При этом, пользуясь наблюдениями Овсяннико-Куликовского, отметим, что хлысты не «побеждали институт семьи», а наоборот, находились на архаичном «до семейном» уровне, отсюда столь распространенное для секты явление «гетеризма» [18]. Параллели с семейными отношениями Блоков, в данном случае, напрашиваются сами собой.

Подобным образом можно составить оппозиции представленных в игровой практике сект по типам проповедей. Мистические секты строятся вокруг проповедей основателя культа и его последователей, не случайно в буффонаде маркируются как тексты самого Соловьева, так и работы последователей (тексты Шмидт и Блока). Рациональные же секты строятся вокруг претендующих на научный статус работ (исследования Ларан'а и Рампан'а). Кроме того, в игровой структуре можно отметить и два различных типа экстатического опыта: мистериальный и созерцательный, связанный с интеллектуальным озарением. Заметим и разные способы организации: физическое единение членов (в доме участников) и отчужденное бытование (в интеллектуальном пространстве).

В структурном устройстве игровых практик С. М. Соловьева можно выделить еще множество подобных вышеприведенным оппозиций между ее знаковыми элементами. Однако все они разворачиваются в соответствии с принципом, заданным центральной из них, — противопоставлением между сформированным под влиянием идей В. С. Соловьева символистским типом познания и гносеологией позитивизма. Еще раз подчеркнем, что те семантические поля означаемых, которые были выделены в данной статье, не отражают реальные идеи философа и принципы позитивизма, а лишь рефлексию младосимволистов о них. Именно необходимость к осуществлению данной рефлексии и породила игровые практики С. М. Соловьева в жизнь.

Библиография

1. Бужор Е.С. Концепция теургического творчества у Вл. Соловьева и Вяч. Иванова // Общество: философия, история, культура. 2019. № 6(62). С. 12–23.
2. Юрина Н.Г. В.С. Соловьев – первый символист или последний романтик? (эстетические взгляды и творческая модель) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 267–286.
3. Рычков А.Л. «Бог есть всё. Всё становится Богом»: Религиозно-философское кредо «раннего» Владимира Соловьева и его первые читатели // Литературный факт. 2019. № 3(13). С. 223–249.
4. Романов Д.Д. Рецепция философских концепций Вл.С. Соловьева в эпистолярном наследии А. Белого // Соловьевские исследования. 2022. № 3(75). С. 6–18.
5. Самарина М.А. Стихотворение Вл. Соловьева «Три подвига» как один из источников цикла А. Блока «Снежная маска» // Соловьевские исследования 2022. № 2(74). С. 26–42.
6. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста / под ред. Ю.М. Лотман; М.Л. Гаспаров. СПб.: Искусство-СПб, 1996.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / под ред. А. Гуревич. М.: Издательство «Искусство», 1970.
8. Лотман Ю.М. О структурализме. Работы 1965–1970 годов / под ред. И. А. Пильщикова. Таллин: Издательство ТЛУ (Bibliotheca Lotmaniana), 2018.
9. Эткинд А.М. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М.: ИЦ-Грант, 1996.
10. Лебон Г. Книга I. Психология народов / Психология народов и масс. СПб.: «Макет», 1995.
11. Корсаков А.И. Религия и наука в трудах основателя первого позитивизма // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие, Философия, Религиоведение. 2012. № 2(40). С. 80–92.
12. Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция, М.: НЛО, 1998.
13. Гофман В. Язык символистов // Литературное наследство [Символисты]. М.: Объединение, 1937. Том 27/28. С. 54–105.
14. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 1. Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1900.
15. Куликова О.Б. Концепция субъекта познания в гносеологии Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. Периодический сборник научных трудов. Онтология, теория познания и социальная философия В.С. Соловьева. Иваново: ОМТ МИБФ, 2008. № 17. С. 56–67.
16. Рычков А.Л. Доклад А. Блока о русском символизме 1910 года как развитие «мысли о Софии» Вл. Соловьева // Шахматовский вестник. 2011. № 12. С. 207–231.
17. Рычков А.Л. «Софийный гнозис» Серебряного века: Источники и влияния // «Va, pensiero sull'ali dorate»: Из истории мысли и культуры Востока и Запада. М.: Издательство «Рудомино», 2010. С. 344–363.
18. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Сектанты: очерки по истории народных религиозных движений. М.: Common place, 2017.
19. Федоренко Ф.И. Секты, их вера и дела. М.: Политическая литература, 1965.
20. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Том II / пер. с англ. М.К. Рыклин. М.: «Азбука-Аттикус», 1980.

21. Балановский В.В. Гносеология Владимира Соловьева как проявление особого типа рациональности // Соловьевские исследования. 2011. № 2(30). С. 117–134.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в статье «Игровые практики С.М. Соловьева как рефлексия младосимволистов над идеями В.С. Соловьева и позитивистским методом» выступает смысловое содержание символических элементов буффонады С.М. Соловьева, которое автор понимает как рефлексию младосимволистов над идеями В.С. Соловьева и позитивистской гносеологией, выраженную в запечатленных мемуарными текстами А. Белого игровых практиках любительских буффонад С.М. Соловьева. Поскольку А. Белый (Борис Николаевич Бугаев) известен как один из теоретиков эстетики русского символизма, игнорирование автором ситуации фактической двухуровневости анализируемой рефлексии (рефлексия Белого над рефлексией Сергея Михайловича Соловьёва (1885—1942) над идеями его дядюшки) представляется не существенной логической ошибкой. Автор преследует цель декодирования смыслового содержания символических элементов буффонад, связанных с ментальными представлениями игроков (младосимволистов) о соотношении позитивистской гносеологии и символической концепции В.С. Соловьева. Как справедливо отмечает автор, карикатурность фигур Ларап'а и Рапран'а подчеркнута логической стройностью претендующих на научный статус вымышленных работ вымышленных ученых XXII в., на основании значимости для вымышленных «сект» «соловьевцев» и «блоковцев» христианской и дохристианской символики утверждающих вымышленность музыки Владимира Соловьёва Софьи Петровны Хитрово (Бахметева) и супруги Александра Блока Любои Дмитриевны Блок (Менделеевой). Гротеск, «юмористический эффект, — по мысли автора, — был отчасти построен на сложной оппозиции разных типов знаков внутри игровой структуры», отсюда внимание автора к расшифровываемым парам символических оппозиций как значимым элементам содержания игры-представления.

Умозаключения Ларап'а по воле С.М. Соловьева в пересказе А. Белого построены на поверхностном «прочтении» произведений В.С. Соловьева и А.Н. Шмидт и «разоблачают» эстетический идеал («культ») «секты» «соловьевцев» — идею В.С. Соловьева о женской сущности характера человеческого творчества, раскрывающего Истину в сопричастности Творению, божественной Премудрости (Софии). Отрицание Ларап'ом реальности Софьи Петровны Хитрово с подменой её образа символом СПХ (Святой Премудрости Христовой), где Петровна (от Петр — камень в основании Церкви) является связкой с концепцией Третьего Завета А.Н. Шмидт. А на отрицании существенной для В.С. Соловьева части реальности строится вывод о родстве «соловьевцев» с многочисленными религиозными сектами по типу хлыстов. По той же схеме («по методу» Ларап'а) строится доказательство его ученика и последователя Рапран'а нематериальной сущности Любои Дмитриевны Блок и его характеристика «блоковцев» как секты, культивирующей Любовь.

Автор с опорой на исследования коллег расшифровывает (декодирует) базовые символы и символические оппозиции проанализированной буффонады и вполне обоснованно полагает, что она разворачивается в соответствии с принципом противопоставления «между сформированным под влиянием идей В.С. Соловьева символистским типом познания и гносеологией позитивизма». Однако, на взгляд рецензента, общая семиосфера проанализированной буффонады раскрыта не полностью: доказательство

символическими «позитивистами» Lapa'ом и Ramrap'ом нематериальной природы культов соловьевцев Софии и Любви раскрывает устремленность последних к экстатическим образам, имевшим в их жизни реальные воплощения. На взгляд рецензента, автор не уместно игнорирует причинность событийности («После венчания А. Блока и Л.Д. Менделеевой летом 1903 года в гости к молодоженам в усадьбу Шахматово приезжают младосимволисты...»), которая позволяет полагать, что назначение буффонады С.М. Соловьева состояла в поэтизации брачного союза Александра и Любви в соотношении с вдохновенным нематериальным союзом Владимира и Софии. Впрочем, это замечание относится к перспективам дальнейших исследований автора. Сильной же стороной представленной работы является неординарный авторский подход к проблематизации сопоставления двух традиций познания, которые пересекаясь приводят лишь к гротескному восприятию реальности.

Учитывая сильную сторону исследования, можно считать, что автор раскрыл предмет исследования в достаточной степени, позволяющей продолжить дальнейшее его изучение на более высоком теоретическом уровне.

Методология исследования, по мысли автора, опирается на теорию бинарных оппозиций значимых единиц языка в пределах общей семиосферы («... здесь и далее принципы структурно-семиотического анализа и терминология выводятся из теоретических работ Ю.М. Лотмана [1-3]»). Элементы семиотического анализа (в частности, теория оппозиций языка Р.О. Якобсона) автор усиливает тематической выборкой эпистолярных источников и историко-биографическим методом их анализа. Вместе с тем, рецензент отмечает, что эвристический потенциал концепции самоописания семиотических систем Ю.М. Лотмана реализован применительно к предмету исследования далеко не полностью. Недосказанность, вероятно, предполагает перспективу дальнейших исследований.

Актуальность обращения автора к теме гротескного соотношения двух различных традиций познания обусловлена возрастающим интересом в российском теоретическом дискурсе к проблемам методологического плюрализма и возрождению отечественных традиций философствования, составляющих значимую часть Золотого и Серебряного веков русской культуры.

Научная новизна работы автора выражена в оригинальной тематической выборке эпистолярных источников, в авторизованном использовании комплекса научных методов, в обоснованном выводе о существенном принципе противопоставления символистского типа познания гносеологии позитивизма в игровых практиках (буффонадах) С.М. Соловьева в пересказе А. Белого.

Стиль автор выдержан научный, хотя следует исправить некоторые технические оплошности: 1) распространены лишние пробелы перед знаками препинания; 2) не выдержаны редакционные требования к краткому обозначению дат (см. https://nbpublish.com/e_ca/info_106.html); 3) встречаются опiski, требующие вычитки и корректуры (например, «... они видят и точки смежности и напряжение оппозиции...», «... представленных в игровой практики сект...» и др.); 4) встречается слитное написание слов (например, «... она существовалалишьв представлении...», «... представляют собойкриптограмму...», «... установлениеТретьего Завета»).

Структура статьи соответствует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография, учитывая указанные в тексте ссылки на основные эмпирические источники, в целом раскрывает проблемное поле исследования, однако не отражает уровень интереса к теме коллег в последние 5 лет. К примеру, высказывание «Влияние философских идей В.С. Соловьева на эстетические принципы и теоретическое наполнение русского младосимволизма хорошо известно и объемно изучено», можно было бы подкрепить комплексной ссылкой на ключевые работы отечественных и

зарубежных коллег за последние 5 лет.

Апелляция к оппонентам корректна и достаточна.

Интерес читательской аудитории журнала «Человек и культура» к представленной статье гарантирован. Но технические описки автору следует устранить, а замечания рецензента теоретического плана учесть либо при доработке статьи, либо в дальнейших исследованиях представленной темы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил свою статью «Игровые практики С.М. Соловьева как рефлексия младосимволистов над идеями В. С. Соловьева и позитивистским методом», в которой проведено исследование рефлексии символистов над идеями русского философа не в интеллектуальном или литературном творчестве, а в своих повседневных практиках.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что семантическое поле знаков «позитивизм» и «философия В. Соловьева», воспроизводимых в играх младосимволистов, не может быть приравнено к реальному теоретическому содержанию позитивизма и концепциям Соловьева. Смысловое содержание этих элементов связано с ментальными представлениями игроков о данном явлении.

К сожалению, актуальность исследования автором не обозначена.

Методология исследования основана на структурно-семиотическом подходе, рассматривающем подражательные игровые практики как языковые структуры. Означающие в них производятся телами игроков путем миметического подражания элементам других вторичных моделирующих систем. Производство означаемых локально и зависит от местоположения элемента и внутренних знаковых связей. Теоретическим обоснованием исследования послужили принципы структурно-семиотического анализа и терминология Ю.М. Лотмана, а также труды В.С. Соловьева, О. Конта и др. Эмпирическую базу исследования составили мемуары и воспоминания младосимволистов и их современников.

Как отмечает автор, системами, из которых младосимволисты черпали означающие для своих игровых практик, часто становились философия В. Соловьева и положения позитивизма. Соответственно, целью исследования является выявление элементов систем при помощи структурно-семиотического метода.

Проведя анализ научной обоснованности проблематики, автор отмечает, что тема влияние философских идей В.С. Соловьева на эстетические принципы и теоретическое наполнение русского младосимволизма хорошо известна и объемно изучена. Однако, по мнению автора, в большинстве таких исследований материалом для раскрытия данного феномена становятся лишь теоретические и художественные тексты младосимволистов. Научная новизна данного исследования заключается в попытке описать, каким образом символисты осуществляли рефлексию над идеями философа не в интеллектуальном или литературном творчестве, а в своих повседневных практиках, в частности, буффонадах, которые С.М. Соловьев разыгрывал перед А. Белым, А. Блоком и Л.Д. Менделеевой.

Основываясь на анализе содержания мемуаров А. Белого и М.А. Бекетовой, автор конструирует абстрактную модель, к которой восходят актуализировавшиеся структуры игровых практик и выделяет значащие элементы для декодирования. Данная модель представляет собой сложную двухчастную структуру: 1) изображение секты блоковцев и 2) изображение работы ученых, разбивающееся на а) исследование Lapan'a и б)

исследование Rampan'a, которые по своему структурному устройству являются симметричными друг другу. Так, декодируя игровой знак «секта» в структуре буффонады, автор обращается к работе Гюстава Лебона «Психология народов и масс», одному из первых крупных исследований по социальной психологии, затрагивающему феномен сект.

По мнению автора, юмористический эффект буффонад был отчасти построен на сложной оппозиции разных типов знаков внутри игровой структуры. На первом ее уровне (изображение секты блоковцев/соловьевцев) автор выделяет с наличествующие знаки, ведь в диегетическом пространстве игры «секта блоковцев» существует: «мы появлялись в пародиях перед нами же сектою "блоковцев"». На втором же уровне (изображение работы ученых) превалируют отсутствующие знаки: «секты-де не было».

Автором также выделена еще одна сложная оппозиция буффонад С.М. Соловьева: сектанты-ученые изучают сектантов-блоковцев и отказывают последним в праве на существование. Автор делает вывод, что такое взаимное «сектантство» является точкой пересечения двух игровых пространств, которая и задает напряжение игре, ведь она включает в себе одновременно и смежность (общую структуру организации сект), и оппозицию (невозможность понять друг друга).

Выражение, описывающее игровую секту блоковцев «секта, подобная, скажем, хлыстам», является для автора маркировкой смежности знаковых взаимосвязей игровой структуры. Эту смежность автор строит на двух важнейших для мировоззрения младосимволистов характеристиках: идее воплощения божественного в женщине и типу гносеологии. По этим же характеристикам две секты противопоставлены третьей — позитивистам. Как отмечает автор, ученые-позитивисты отрицали конкретное воплощение и строили исследование только на основании данных, почерпнутых из книг, а не на непосредственном взаимодействии с истиной.

Как констатирует автор, такое сложное построение игровой практики раскрывает рефлексию младосимволистов над двумя типами гносеологии, в которых они видят и точки смежности, и напряжение оппозиции. Именно эта оппозиция и является структурообразующим стержнем игровой структуры, вокруг которой и разворачивается игровой нарратив.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение механизмов формирования системы мировоззрения определенной группы на основании философских концепций представляет несомненный теоретический и практический культурологический и философский интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 21 источника, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

